**Достоинство личности: диалог теории,
конституционных норм, международных регуляторов
и социальной реальности***

КРАВЕЦ Игорь Александрович, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

E-mail: kravigor@gmail.com

В статье рассмотрены вопросы этимологии достоинства человека в современной юриспруденции, проблемы идентификации достоинства личности в конституционном и международном дискурсе, некоторые правовые позиции Конституционного Суда России о достоинстве личности и его охране, значение балансирующего принципа охраны достоинства личности в конституционном правосудии, осмыслен юридический полиморфизм человеческого достоинства как правовой категории.

Цель работы — выявить границы и значение диалога доктрины, конституционных норм, международных правовых актов и социальной реальности в развитии представлений о человеческом достоинстве, раскрыть национальные и международные условия возвышения человеческого достоинства в современной юриспруденции, рассмотреть влияние юридического полиморфизма на закрепление достоинства личности в отраслях российского права, соотнести концепции достоинства личности в конституционной юриспруденции с российским опытом конституционной регламентации охраны достоинства личности, практикой конституционного правосудия.

Использованы формально-юридический, компаративный, конкретно-исторический методы анализа, методы конституционной герменевтики и правовой инженерии на основе дискурсивного подхода, который позволяет определять метаюридическую природу и полисемическое значение человеческого достоинства в современной российской и международной юриспруденции.

Выводы: человеческое достоинство является экзистенциальной, а не моральной ценностью, имеет дивергентный характер применимости в различных сферах правового регулирования (внутригосударственной и международной); отмечается публично-правовой и частно-правовой полиморфизм достоинства личности в российском праве; намечены перспективы обсуждения возможности признания принципа уважения и охраны человеческого достоинства в качестве принципа международного права, текстуально обособленного, но взаимосвязанного с иными принципами.

В правовых позициях Конституционного Суда подтверждается, что: 1) достоинство личности выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения; 2) у Российского государства существует обязанность охранять достоинство личности и ее права во всех сферах, где они реализуются.

Ключевые слова: достоинство личности, юридический полиморфизм, экзистенциальная ценность, принцип международного права, судебная конституционализация, конституционный принцип, право на достоинство.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А.

Human Dignity: Dialogue of Theory, Constitutional Norms, International Regulators and Social Reality

I. A. KRAVETS, head of the Department of theory and history of state and law, constitutional law of the Novosibirsk National Research State University, doctor of legal sciences, professor

1, Pirogov st., Novosibirsk, Russia, 630090

E-mail: kravigor@gmail.com

The article is considering the etymology of human dignity in modern jurisprudence, the problems of identifying the human dignity in constitutional and international discourse, some legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the human dignity, the importance of the balancing principle of protecting the human dignity in constitutional justice, the legal polymorphism of human dignity as legal category.

The aim is to study the boundaries and significance of the dialogue of the doctrine, constitutional norms, international legal acts and social reality in the development of ideas about human dignity, to reveal the national and international conditions for the rise of human dignity in modern jurisprudence, to consider the influence of legal polymorphism on the consolidation of the human dignity in the branches of Russian law, to correlate the constitutional concept of human dignity with the Russian experience of constitutional regulation of human dignity's protection, and the practice of constitutional justice.

The author used general and specific scientific methods, including formally legal, comparative, concrete historical methods of analysis, methods of constitutional hermeneutics and legal engineering, and a discursive approach that allows determining the meta-legal nature and the polysemic significance of human dignity in contemporary Russian and international jurisprudence.

Conclusions: human dignity is existential rather than moral value, has a divergent nature of applicability in various spheres of legal regulation (domestic and international), there is a public-law and private-law polymorphism of human dignity in Russian law, discusses the possibility of recognizing the principle of respect for and protection of human dignity as a principle of international law, in particular, but interrelated with other principles.

In the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation it is confirmed that: 1) the human dignity is the basis of all human rights and freedoms and a necessary condition for their existence and observance; 2) the Russian state has a legal obligation to protect the dignity of a person and citizen and their rights in all areas where they are realized.

Keywords: human dignity, legal polymorphism, existential value, the principle of international law, judicial constitutionalization, the constitutional principle, the right to dignity.

DOI: 10.12737/art_2019_1_8

Этимология и современная природа человеческого достоинства в юриспруденции. С момента принятия в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека концепция достоинства становится важной частью юриспруденции прав человека, претендуя постепенно на роль гуманитарной и юридической сердцевины правовой системы в целом (многих государств в современном мире, включая Россию). В дискуссии о глобализации и космополитизме вовлекаются различные правовые, политические и экономические явления, среди которых определенное место занимают права человека и челове-

ческое достоинство. «Гуманитарные» вмешательства, «цветные» революции, возникающая напряженность между меняющимся на наших глазах статусом государственного суверенитета в международном праве и правовым идеалом демократического самоуправления народа становятся источником для значительного числа сомнений в отношении не только дискурса прав человека, но и гарантий достоинства личности. По мнению одних ученых, современная практика международного права подрывает демократический суверенитет государств, по мнению других, и среди них С. Бенхабиб, международ-

ное право усиливает суверенитет¹. Экзистенциальное понимание человеческого достоинства призывает демократические государства использовать свой суверенитет для создания эффективных правовых средств обеспечения и охраны достоинства личности.

В современных исследованиях в области отечественной и сравнительной юриспруденции категория «человеческое достоинство» (human dignity) занимает дискуссионное и неувядаемое в своей полемичности место, верифицируя правовую систему отдельных государств и международно-правовые регуляторы прав человека на гуманитарную экзистенцию. В экзистенциализме (как философском течении) экзистенциальный анализ существования человека ведет к постановке вопроса о смысле бытия. В современной юриспруденции экзистенциальный анализ права в различных сферах его реализации наводит на размышления о достоинстве личности и его охране как смысле правового бытия (существования права в человеческом измерении). Вслед за профессором Принстонского университета Дж. Кейтбом следует признавать экзистенциальную, а не моральную ценность человеческого достоинства². Именно такой подход позволяет достигать правового баланса между достоинством личности и ее правами, вырабатывать надлежащие правовые и государственные формы охраны достоинства личности.

Достоинство человеческой личности как правовая концепция со второй половины XX в. стало возвышаться в юриспруденции в целом, правовых системах отдельных стран, в международно-правовых актах, хотя это возвышение

и не привело пока к разделяемому пониманию границ и юридического содержания данной концепции. Заслуживает внимания позиция А. Барака о том, что в XX в. произошла революция в отношении человеческого достоинства как ответ на ужасающие жестокие действия нацистов во время Второй мировой войны и Холокоста³. О возвышении человеческого достоинства в XXI в. пишет К. Дюпре, полагая, что именно текущее столетие станет веком достоинства⁴.

Революции в области достоинства личности произошли и на Ближнем Востоке в начале XXI в. под влиянием политических событий и экстраординарных действий (гражданских войн, цветных революций). Новые значения человеческого достоинства стали проникать на Ближний Восток, это породило волну «революций достоинства» (dignity revolutions), которая заставила переосмысливать соотношение понятий человеческого достоинства на Западе и на Востоке (в том числе Ближнем Востоке)⁵. В частности, в Конституции Марокко появились положения о равноправии граждан в мусульманской стране. В главе 3 «Государственные права, свободы и обязанности» Конституции Египта 2014 г. закреплены «естественные права» и «частные права», есть положения о правах детей, подростков и молодежи. В Конституции Туниса 2014 г., легитимировавшей авторитарное монархическое правление, провозглашено равноправие мужчин и женщин⁶. Появились некото-

³ См.: Barak A. Foreword // *Erin D. Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia, 2012. P. IX.

⁴ См.: Dupré C. *The Age of Dignity: Human Rights and Constitutionalism in Europe*. Bloomsbury Publishing, 2016. P. 1—4.

⁵ См.: Schroeder D., Bani-Sadr A. H. *Dignity in the 21st Century: Middle East and West*. Springer, 2017. P. 1—8.

⁶ См.: Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в кон-

¹ См.: Benhabib S. *Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times*. Cambridge, 2011. P. VII—IX.

² См.: Kateb G. *Human Dignity*. Cambridge, 2011. P. 10—17.

рые гарантии достоинства личности и личных прав, требования о неприкосновенности человеческого тела, нормы о донорстве органов и тканей (например, в Египте). Принципиально новыми стали положения о правах женщин в арабских странах, испытавших революционные события, наметились перспективы обеспечения равного представительства женщин в выборных органах власти⁷. Не стоит преувеличивать значение новых конституционных норм в государствах под влиянием «арабской весны», но они открыли двери в новую правовую эру экзистенциального соотношения прав человека и его достоинства в мусульманских государствах.

Достоинство человеческой личности — понятие многогранное и полисемическое, которое может быть осмыслено в рамках концепции *юридического полиморфизма*.

Ценность человеческого достоинства ощутима в разнообразных областях человеческой деятельности и сферах правового регулирования (конституционном, международном и гражданском праве, уголовном и гражданском процессе, медицинском праве и биоэтике). Как нормативные, так и этические проблемы вызывает к жизни практика регулирования и охраны достоинства личности при реализации прав человека, права социального обеспечения для целей преодоления бедности и достижения социальной справедливости. Человеческое достоинство проникает в области современной биоэтики и биомедицины, когда обсуждается моральная (а не только правовая) легитимность эвтаназии (права на смерть), аборт или самоубийства, исполь-

зования вспомогательных репродуктивных технологий и соматических прав (в том числе в отношении онкобольных).

В связи с многогранностью обсуждаемых вопросов и множественностью проблем и предметов, связанных с достоинством личности, весьма различные ценности, нормы, человеческие качества (включая добродетели) оказываются вовлеченными в научную и публичную полемику. Благодаря широте использования категории «человеческое достоинство» исследователи отмечают его *дивергентный* характер применимости в различных сферах⁸.

Идея человеческого достоинства, развиваясь сначала как философско-мировоззренческий постулат, в современном праве различных государств стала занимать место основополагающего конституционного принципа, а также признаваться нормами международного права. Именно в европейской культуре начался процесс осознания и определения человеком своего достоинства в период развития философско-правовой мысли Древней Греции и Древнего Рима (VII в. до н. э. — V в. н. э.). Понятие достоинства черпает свои истоки в учении римского мыслителя Цицерона (трактат “De Officiis” («Об обязанностях»), труд “De Inventione” с формулировкой достоинства) и восходит к категории “*dignitas*” римских патрициев. Цицерон часто использует слово «достоинство» (*dignitas*) на протяжении значительного массива своего текста обычно в смысле должности, авторитета, социального статуса или личной значимости⁹. В другом труде (De Inventione, 2.166 — справочнике

ституционном измерении: политолого-юридическое исследование: монография. М., 2018. С. 45—83.

⁷ См.: Чиркин В. Е. Новеллы конституционного правопорядка: опыт «цветных революций» и «арабской весны» // Право и современные государства. 2017. № 2. С. 15—16.

⁸ См.: Muders S. Natural Good Theories and the Value of Human Dignity // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2016. Vol. 25. Iss. 2. P. 239—240.

⁹ См.: Shershow S. C. Deconstructing Dignity: A Critique of the Right-to-Die Debate. Chicago University Press, 2014. P. 53—54.

для ораторов, составленном автором в молодом возрасте) Цицерон говорил, что достоинство — это почетный авторитет человека, достойного поклонения, чести и почтения¹⁰. Римское античное понятие достоинства отражало прерогативы патрициев и было вписано в общественный статус и юридические привилегии в Римской империи¹¹.

Значительно позже оно получает развитие в католической этике и ренессанских трактатах о достоинстве человеческой природы. Ключевой принцип гуманистической этики Ренессанса вытекал из учения о высоком предназначении человека и о его достоинстве¹². Правовые формы выражения и закрепления человеческого достоинства появились начиная с середины XX в.

Термины «достоинство человеческой личности» и «человеческое достоинство» относятся к тем правовым понятиям, которые не имеют строгого юридического определения, несмотря на закрепление в международных правовых актах, национальных конституциях и законодательстве современных государств. В дискуссии об этимологии и значении достоинства личности в правовой науке и юриспруденции в целом важное место занимает не столько подбор и оперирование конкретным определением (которое может оказаться значительно уже своего методологического значения для юриспруденции, как, например, определение достоинства в гражданском

праве), сколько раскрытие природы и юридических связей между достоинством человека и его правами и свободами, достоинством и правопорядком (внутригосударственным и наднациональным), достоинством и целями, задачами деятельности органов публичной власти и их должностных лиц, достоинством и отраслевыми механизмами обеспечения и защиты.

У достоинства человеческой личности, уверяет профессор международного права О. Шехтер, может и не быть абстрактного определения, удовлетворяющего различным потребностям при его использовании. Внутреннее значение достоинства человеческой личности оставлено для интуитивного понимания, обусловленного в значительной мере культурными факторами. Использование данного понятия в конкретных ситуациях приводит к общему умозаключению, что нарушение человеческого достоинства может признаваться, даже если абстрактный термин не может быть определен¹³. Достоинство человеческой личности предполагает, что имеются внутренний и внешний аспекты его существования и проявления. Этимологический корень достоинства в его английском написании (*dignity*) (во французском написании — *dignité*) указывает на латинское слово "*dignitas*", которое переводится как ценность. Поэтому справедливо утверждать, что одним из лексических смыслов достоинства является «неотъемлемая ценность» в значении внутренняя, имманентно присущая человеку. Именно в таком синонимическом значении употребляются слова в преамбуле Устава ООН в выражении «вновь утвердить веру в основные права человека, в *достоинство и ценность человеческой личности*, в равноправие мужчин и женщин и

¹⁰ См.: *Cicero M. Tullius. De Inventione* / ed. by E. Stroebel. URL: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166> (дата обращения: 15.08.2018).

¹¹ См.: *Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire*. Oxford, 1970.

¹² См.: *Позднякова О. Л. Кантова идея достоинств человека в системе ценностей общественного развития* // *Логика достоинства и свободы личности: посвящ. 85-летию Ин-та филос. НАН Беларуси* / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. Минск, 2016. С. 31.

¹³ См.: *Schachter O. Human Dignity as a Normative Concept* // *American Journal of International Law*. 1983. Vol. 77. Iss. 4. P. 849.

в равенство прав больших и малых наций...» (курсив мой. — *И. К.*). Слова «достоинство» и «ценность человеческой личности» в контексте данного акта выступают синонимами, используемыми для выражения одной и той же концепции¹⁴. Взаимосвязь достоинства и ценности человеческой личности указывает на внутренний аспект и внутреннюю ценность человеческой личности. Внешний аспект достоинства личности выражается в правовых формах уважения человеческой личности и охраны человеческого достоинства.

Когда мы говорим об уважении к внутренней ценности и неотъемлемому достоинству человеческой личности, что имеется в виду? Термин «уважение» в контексте правовой концепции достоинства личности имеет несколько значений: 1) почитание человеческих качеств и достоинства в частности; 2) почтительное отношение к личности, ее правам, учет особенностей ее правового положения и индивидуального статуса; 3) признание достоинства в качестве неотъемлемой ценности человеческой личности; 4) учет кантовского предписания рассматривать каждого человека как цель, а не как средство (с позиций идеала), следовательно, в правовом смысле не должны быть оправданы посягательства на достоинство или его умаление в целях реализации необоснованной и неправомерной государственной воли, а также государственных интересов, не согласованных с правами и интересами личности.

Юридический полиморфизм достоинства личности и формирование конституционного и международного дискурса. В современных исследованиях признается, что человеческое достоинство является основополагающим принципом как международного права в области прав человека, так и положений внутреннего конституционного

права после окончания Второй мировой войны¹⁵. Некоторые авторы сомневаются в адекватности понимания концепции достоинства как конституционного и международно-правового принципа после Второй мировой войны. Высказывается мнение, что современный принцип достоинства имеет много сходств с античной правовой концепцией достоинства, поскольку он имеет ту же функцию (как основу для обязательств, более чем прав), структуру (обоснование обязательств по отношению к себе) и режим (неотчуждаемость). Связь между современным достоинством и античным достоинством имеет решающее значение, поскольку это подразумевает, что обоснование достоинства как основы прав человека (очень распространенное в дискуссиях о человеческом достоинстве) обманчиво, по крайней мере постольку, поскольку речь идет о современной концептуальной моде¹⁶. Отмеченные черты сходства не раскрывают специфику современного значения достоинства личности с позиций юридического полиморфизма.

Многоаспектная природа человеческого достоинства позволяет говорить о его полиморфном характере. Такая природа у достоинства отсутствовала в античном мире. Правовой (юридический) полиморфизм — малоизученное явление в российской юриспруденции (правоведении), хотя употребление данного термина встречается в исследованиях. В международных и компаративных исследованиях полиморфизм выражается в суще-

¹⁵ См.: O'Mahony C. There Is no Such Thing as a Right to Dignity // *International Journal of Constitutional Law*. 2012. Vol. 10. Iss. 2. P. 551—574. DOI: 10.1093/icon/mos010.

¹⁶ См.: Hennette-Vauchez S. A Human Dignitas? Remnants of the Ancient Legal Concept in Contemporary Dignity Jurisprudence // *International Journal of Constitutional Law*. 2011. Vol. 9. Iss. 1. P. 32—57. DOI: 10.1093/icon/mor031.

¹⁴ См.: Schachter O. *Op. cit.* P. 849.

ствовании в планетарном масштабе многообразия национальных правовых систем наряду с международным правом как системой¹⁷. В уголовном процессе отмечается существование «апелляционного полиморфизма» как нового правового феномена¹⁸. В общей теории российского права полиморфизм правового регулирования связывается с сочетанием нескольких его видов: государственного (централизованного) и децентрализованного (локального, индивидуального, самоуправления)¹⁹. Хотя такая классификация вряд ли имеет общий критерий и не включает регионального и муниципального регулирования, использование термина «полиморфизм» для характеристики видов современного правового регулирования возможно.

Для целей понимания юридического полиморфизма применительно к правовой конструкции достоинства личности предлагается следующее его значение. Он возникает в случаях, когда юридический термин (в некоторых случаях одно и то же понятие) имеет различные правовые формы выражения и используется в различных сферах правового регулирования (в конституционном, гражданском, административном, муниципальном, уголовном и других отраслях права). Термин и понятие «человеческое достоинство» имеет различные правовые формы выражения и закрепления, что позволяет отнести его к явлению юридического полиморфизма. Как показывают современные исследования в области конституционного и

гражданского права, медицинского права и биоэтики, прав человека (включая соматические и репродуктивные права), существует публично-правовой и частноправовой полиморфизм человеческого достоинства в контексте как внутригосударственного, так и международно-правового правового порядка. *Публично-правовой полиморфизм* достоинства личности основывается на нормах международного публичного права, отечественного конституционного, уголовного и уголовно-процессуального права, иных отраслях с высоким содержанием публично-правовых норм и регуляторов. *Частно-правовой полиморфизм* достоинства связан с цивилистическими категориями «честь и достоинство личности», «деловая репутация» юридического лица и основан на нормах гражданского, гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального права.

Термины «достоинство человеческой личности», «человеческое достоинство» или «достоинство личности» (как более употребительное в российском юридическом языке) широко используются в теории и практике прав человека, конституционализме (в том числе сравнительном), в международных правовых документах, биоэтике. Отмеченные термины стали использоваться в качестве выражения основной ценности, принятой в широком смысле многими, если не всеми, народами. По признанию профессора конституционного права школы права Гарвардского университета Вики С. Джексон, человеческое достоинство стало важной частью транснационального словаря конституционализма и прав человека²⁰. Несомненно, данное утверждение верно и относимо скорее к периоду, начавшемуся после Второй мировой

¹⁷ См.: Вельяминов Г. М. Право национальное и международное. М., 2017.

¹⁸ См.: Романова А. А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России. М., 2018.

¹⁹ См.: Измestьева Е. М. Субъекты правоприменительной деятельности в условиях децентрализации правового регулирования в России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 3.

²⁰ См.: Jackson V. C. Constitutional Dialogue and Human Dignity: States and Transnational Constitutional Discourse // Montana Law Review. 2004. Vol. 65. Iss. 1. P. 15.

войны и продолжающемуся в настоящее время.

Упоминание о достоинстве как атрибуте человеческой личности присутствует в международно-правовых актах начиная с 1945 г. Во-первых, это Устав ООН 1945 г. (преамбула), где говорится, что народы Организации Объединенных Наций преисполнены решимости «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности». В Уставе ООН впервые была закреплена связь достоинства и ценности человеческой личности.

Во-вторых, Всеобщая декларация прав человека закрепляет, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...» (преамбула); ст. 1 провозглашает: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах».

В-третьих, Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (преамбула) признают, что «эти права вытекают из присущего человеческой личности достоинства».

В-четвертых, аналогичное положение содержится и в Заключительном акте Сессии Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

В-пятых, возвышение и *глобальная значимость человеческого достоинства* (для международного права и международных отношений, для отдельных государств) подтверждаются Декларацией тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 г. Главами государств и правительств в ней признается, что «помимо индивидуальной ответственности перед нашими собственными обществами» они несут «также коллективную ответственность за утверждение принципов человеческого достоинства,

справедливости и равенства на глобальном уровне». Руководители государств «ответственны перед всеми жителями Земли, особенно перед наиболее уязвимыми из них, и, в частности, перед детьми мира, которым принадлежит будущее». Более двух десятков международных правовых актов, включая универсальные, а также акты Совета Европы, Европейского Союза, иных региональных организаций затрагивают вопросы человеческого достоинства, однако возведение охраны и уважения человеческого достоинства в ранг принципа международного права пока не произошло (в отличие от принципа уважения прав человека). Связь принципа уважения прав человека, выделенного в Заключительном акте СБСЕ 1975 г., с человеческим достоинством несомненна. В резолюции «Защита прав человека и принцип невмешательства во внутренние дела государства» 1989 г., не имеющей официального статуса, Институт международного права признал за обязательством уважения прав человека характер *erga omnes* и отметил, что государство, нарушающее его, не может уходить от ответственности, утверждая, что данная область относится к его внутренней компетенции²¹. Через Институт международного права, который впервые сформулировал принципы международного права, возможно и их расширение со статусом резолюции²². Представляется перспективным обсуждение возможности признания принципа уважения и охраны человеческого достоинства в качестве принципа международного права

²¹ См.: Толстых В. Л. Курс международного права: учебник. М., 2018. С. 164.

²² Институт международного права (Institut de droit international, IDI) был учрежден 11 сентября 1873 г. в Генте, а первая сессия проведена в Женеве в 1874 г. См.: Societies of International Law // The American Journal of International Law. 1907. Vol. 1. No. 1. P. 135—137.

(текстуально обособленного, но взаимосвязанного с иными принципами).

Международно-правовые документы свидетельствуют о том, что человеческое достоинство становится важнейшим основанием прав человека и, возможно, в будущем принципом международного права, которые признаются на глобальном уровне современным человечеством. Хотя и существует скептическое направление в исследованиях человеческого достоинства, которое считает, что оно (достоинство) ненадежно расплывчатое, запутанное и чрезвычайно завышенное в ожиданиях собственной значимости понятие, представляется важным не оставлять его для дальнейших исследований. Особенно сложным процессом является выработка критериев обеспечения достоинства личности в социальной сфере и требований по его обеспечению в социальной деятельности государства.

Предложенный В. Карташкиным (докладчиком редакционной группы Консультативного комитета Совета по правам человека ООН) перечень традиционных ценностей человечества включает достоинство, свободу и ответственность²³. Хотя в международном праве отсутствует согласованное определение понятия «традиционные ценности человечества», используются такие термины, как «фундаментальные ценности» и «традиционные ценности». Термин «фундаментальные ценности» встречается в Декларации тысячелетия ООН (п. 6 разд. I «Ценности и принципы»), к ним Декларация относит свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, а также общую обязанность народов мира по управлению

глобальным экономическим и социальным развитием, устранению угроз международному миру и безопасности. Термин «традиционные ценности» отражается в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.²⁴, которая гласит, что «развитие и охрана моральных и традиционных ценностей, признанных обществом, являются обязанностью государства» (п. 3 ст. 17); в п. 2 ст. 18 Хартии отмечается обязанность государства оказывать помощь семье, «которая является хранителем морали и традиционных ценностей, признанных обществом». Постепенно международным сообществом человеческое достоинство осознается как ценность. Возможно, наступит время и человеческое достоинство будет отнесено к фундаментальным ценностям международного сообщества.

Политические лидеры, юристы и философы, как отмечает О. Шехтер, все чаще ссылались на достоинство человеческой личности как на базовый идеал, столь общепризнанный, что он не требует какой-либо независимой поддержки. Он приобрел резонанс, который заставляет широко толковать его как юридическую и моральную основу для протеста против оскорбительного обращения, унижающего достоинство²⁵. Ни один другой идеал не кажется столь понятным и в то же время не имеющим ясных юридических и моральных границ, как идеал достоинства человеческой личности. Научное сообщество размышляет о возможности его признания в качестве *всеобщего общественного блага*. В российской конституционной юриспруденции отстаивается воз-

²³ См.: Совет по правам человека. Консультативный комитет. Восьмая сессия 20—24 февраля 2012 г. URL: www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/advisorycommittee/docs/session8/A-HRC-AC-8-4_ru.doc (дата обращения: 15.08.2018).

²⁴ Вступила в силу 21 октября 1986 г. По состоянию на 2018 г. в Хартии участвуют 53 из 54 стран — членов Африканского союза. Не подписана и не ратифицирована Хартия Южным Суданом. URL: <http://www.achpr.org/instruments/achpr/ratification/> (дата обращения: 21.08.2018).

²⁵ См.: Schachter O. Op. cit. P. 848—849.

вышение достоинства человека как новой высшей и универсальной общественной ценности в системе ценностей XXI в. наряду с такими традиционными ценностями, как свобода, равенство, справедливость, народовластие, верховенство права и закона и проч.²⁶

Конституционный статус достоинства личности как высшей ценности и человеческого измерения права. Современное конституционное мировоззрение рассматривает достоинство человеческой личности в качестве важнейшего института в системе национального и международного права и как сердцевину гуманитарного и экзистенциального понимания прав человека. Достоинство человеческой личности как правовая категория становится конституционным основанием «человекоцентричного» правопонимания.

«Человекоцентричное» правопонимание базируется на представлении о самоценности достоинства человеческой личности, о приоритетном значении достоинства личности в механизме реализации, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. «Человекоцентричное» правопонимание связано с человеческим измерением права и правовых институтов. В работах В. М. Шафирова отстаиваются многоаспектное видение права и концепция естественно-позитивного права как позитивного права в человеческом измерении²⁷. Человеческое измерение права основано на правах человека, имеет философские и исторические корни своего современ-

ного состояния²⁸. Именно человеческое измерение права в наибольшей степени отвечает многоаспектной природе достоинства человеческой личности. Такое измерение права позволяет видеть и признавать метаюридические корни достоинства личности, развивать и совершенствовать правопорядок с центральным положением человека и его достоинства в правовой системе страны, в национальных правовых системах. Представляется важным отражать в современных типах правопонимания, основанных на человеческом измерении, место достоинства человеческой личности в системе правовых институтов и в системе прав и свобод человека и гражданина.

С позиций человеческого измерения права, по-видимому, предстоит разрабатывать несколько линий взаимодействия достоинства личности и прав человека в правовой системе страны. Опираясь на экзистенциальную и конституционную ценность человеческого достоинства, можно отметить горизонтальный вектор взаимодействия (первая линия), основанный на доктрине горизонтального конституционализма. Конституционализация достоинства личности определяет параметры воздействия на иные отрасли права, необходимость соблюдения конституционных гарантий охраны достоинства личности в иных отраслях права. Вторая линия — это вертикальный вектор взаимодействия, который требует учета в конституционном тексте новых явлений в области достоинства личности, связанных с реализацией соматических и репродуктивных прав, которые не признаны позитивными нормами Конституции РФ, хотя их конституционализация обсуждается в доктрине и заслуживает внимания. Третья линия — это радиаль-

²⁶ См.: Невинский В. В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48—54.

²⁷ См.: Шафиров В. М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005; Шафиров В. М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию: монография. Красноярск, 2004. С. 34—86.

²⁸ См.: Шафиров В. М. Право в человеческом измерении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 3. С. 198—213.

ный вектор взаимодействия, который образуется в силу существования экзистенциальных и генетических связей достоинства личности (как центра) и гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод.

Не только в концептуальном плане, но и в правозащитном дискурсе и в процессе принятия судебных решений «человеческое достоинство» занимает видное место²⁹. В юридическом дискурсе достоинство личности появилось сравнительно недавно. Так, понятие человеческого достоинства как легальное понятие не было признано ни в классических декларациях прав человека XVIII в., ни в кодификациях XIX в.³⁰ Почему дискуссии о «правах человека» нашли отражение в законодательстве гораздо раньше, чем положения о «человеческом достоинстве»? По мнению Ю. Хабермаса, основополагающие документы ООН, которые проводят четкую связь между правами человека и человеческим достоинством, являются ответом на массовые преступления, совершенные в результате нацистского режима, и массовые убийства во время Второй мировой войны. Это также объясняет то видное место, которое заняло человеческое достоинство в послевоенных конституциях Германии, Италии и Японии — приемников режимов тех стран, которые вызвали и непосредственно участвовали в этой нравственной катастрофе XX в.³¹ Во многих конституционных и международных дебатах поддерживается эта идея.

Человеческое достоинство следует рассматривать и в контексте

юридической деонтологии. Понятие деонтологии проникает в человеческое достоинство и является его этическим стержнем. Термин «деонтология» был введен И. Бентамом для обозначения теории нравственности как науки о морали³². Деонтологический подход к человеческому достоинству важен для целей формирования моральных требований к государству, органам публичной власти, их должностным лицам, к иным субъектам права. В контексте юридической деонтологии происходит трансформация моральных требований и ценностей в правовые и конституционно-правовые требования и ценности с позиций признания и обеспечения человеческого достоинства различными сегментами правовой системы и сферами государственной и общественной деятельности. Достоинство личности претендует на роль центра и фундамента конституционно-правовой деонтологии, которая апеллирует к государству, его органам, различным субъектам права создавать и поддерживать необходимые условия для обеспечения и защиты человеческого достоинства.

В предмете конституционного права и в системе прав и свобод личности следует сформировать раздел о конституционно-правовой деонтологии, сердцевиной которой должен стать комплексный правовой институт достоинства личности.

В данной работе предлагаем взглянуть на концепцию достоинства личности с позиций метанарратива, который призван сформулировать обеспечительную роль правовых и государственных институтов в различных сферах реализации достоинства личности. Важно понимать достоинство как основу для

²⁹ См.: *Habermas J. The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights // Metaphilosophy. 2010. Vol. 41. No. 4. P. 464—480.*

³⁰ См.: *McCrudden Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. Iss. 4. P. 655—724.*

³¹ См.: *Habermas J. Op. cit. P. 465—466.*

³² См.: *Bentham J. Deontology; or, The Science of Morality: In Which the Harmony and Co-Incidence of Duty and Self-Interest, Virtue and Felicity, Prudence and Benevolence, Are Explained and Exemplified. L.; Edinburgh, 1834. Vol. 2.*

формулирования требований по обеспечению прав и свобод, интересов личности в различных отраслях права и в системе национального и наднационального права. Термин «метанарратив» используется для обозначения юридической концепции в контексте правовой, а не философской, литературной или исторической лексики. Методология метанарратива способна интегрировать знания для получения инновационного подхода к осмыслению и формированию правовой реальности. По мнению исследователей, метанарративный синтез — это методология для синтеза доказательств из множества академических традиций, обычно используемых в сложных ситуациях³³. Такой подход может пролить свет на понимание продовольственного суверенитета и продовольственной безопасности для достижения санитарной справедливости в глобальном масштабе³⁴. Научная доктрина, основанная на методологии метанарративного анализа, учитывает понятие парадигмы Т. Куна и формирует новый систематический подход (с интерпретивными возможностями) к анализу в рамках расширяющегося набора методов и синтеза доказательств, которые ориентированы на контекст, смысл и процесс. Данный метод стремится разработать сюжетные линии о том, как разворачиваются с течением времени исследования по определенной теме, выделяя ключевые открытия и идеи³⁵.

³³ См.: Greenhalgh T., Robert G., Macfarlane F. et al. Storylines of Research in Diffusion of Innovation: a Meta-Narrative Approach to Systematic Review // *Social Science & Medicine*. 2005. Vol. 61. P. 417—430.

³⁴ См.: Weiler A. M., Hergesheimer C., Brisbois B. Food Sovereignty, Food Security and Health Equity: a Meta-Narrative Mapping Exercise // *Health Policy and Planning*. 2015. Vol. 30. Iss. 8. P. 1078—1092.

³⁵ См.: Jamal F., Bertotti M., Lorenc Th., Harden A. Reviewing Conceptualisations of Community: Reflections on a Meta-Narrative

В отношении исследования достоинства личности методология метанарратива способна пролить свет на процесс интеграции различных правовых институтов под углом зрения обеспечения и защиты человеческого достоинства. Основываясь на метанарративном синтезе, который применим для развития концептуальных представлений о кросс-культурном и межотраслевом значении достоинства личности, представляется важным включать человеческое достоинство и в структуру основ правового положения личности, и в структуру отраслевых правовых статусов личности, и в основные цели и задачи деятельности различных органов публичной власти в Российской Федерации (с позиций обеспечения и защиты достоинства личности).

В современных исследованиях обоснованно отмечается глубинная взаимосвязь социальной государственности с единством юридических ценностей достоинства человеческой личности, равенства и справедливости. Как отмечает А. А. Джагарян, «именно в них коренится фундаментальная нравственно-юридическая основа правового строя социального государства, его высшие цели, задачи, принципы, предметно-функциональное содержание»³⁶. В российской правовой системе достоинство личности, хотя и имеет различные отраслевые правовые регуляторы, пока не стало критерием согласования средств правового регулирования и отраслевого обеспечения прав и свобод личности, государственной социальной политики и реализации Российским государством функций социальной го-

Approach // *Qualitative Research*. 2015. Vol. 15. Iss. 3. P. 314—333.

³⁶ Джагарян А. А. Достоинство личности, равенство и справедливость как существенные характеристики социальной государственности // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2011. № 8. С. 41—50.

сударственности. Вместе с тем следует признать преимущественно конституционно-риторический и конституционно-аргументационный характер использования категории «достоинство личности» во многих решениях органа конституционного правосудия, который, несомненно, подготавливает почву для предстоящих изменений и трансформаций в правовой системе страны.

В ценностном измерении достоинства присутствуют различные виды социальных регуляторов, среди которых есть и нормативно-правовые (как внутригосударственные, отраслевые, так и международно-правовые), и моральные, среди которых в условиях мультикультурного правового и этического пространства встречаются как светские, так и религиозные нормы. Как справедливо отмечается в литературе, «данная категория включает достаточно высокий удельный вес неправового, неюридического нормативного потенциала (нравственно-этического, национально-конфессионального и т. п.), что заметно влияет на ценностные характеристики категории достоинства»³⁷.

В сравнительном конституционном праве и с позиций транснационального дискурса одни авторы признают право на человеческое достоинство в качестве субъективного притязания³⁸, другие исследователи рассматривают человеческое достоинство скорее как конституционный принцип, нежели в качестве самостоятельного основного права³⁹.

³⁷ Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19—31.

³⁸ См.: Glensy R. D. The Right to Dignity // Columbia Human Rights Law Review. 2011. Vol. 43. No. 1. P. 65.

³⁹ См.: Barroso L. R. Here, There, and Everywhere: Human Dignity in Contemporary Law and in the Transnational Discourse // Boston College International and

Понятие человеческого достоинства, несмотря на возвышение в современной конституционной юриспруденции, долгое время не воспринималось как «первая ценность, лежащая в основе нравственной и политической мысли последних двух столетий»⁴⁰. Как показывают сравнительно-правовые и кросс-культурные исследования, право постепенно расширяет отраслевые и ситуационные сферы применения достоинства личности в различных странах. Возрастает степень вовлечения достоинства личности в право и правовые институты как в национальных правовых системах, так и на наднациональном уровне⁴¹.

В компаративном конституционном анализе признаются три концепции о природе и роли достоинства.

1. *Концепция достоинства как высшей конституционной ценности*, а именно ценности человечества и человеческой жизни. Данная концепция принимается преобладающей конституционной доктриной в Германии в соответствии с установленной практикой Федерального конституционного суда. Оттуда концепция приобрела огромное влияние во всей континентальной Европе. В российской конституционной юриспруденции отмечается связь между провозглашением человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ) и охраной достоинства личности. Важно отметить, что ценность человека в контексте реализации его прав и свобод опирается на признание внутренней ценности человеческого достоинства. Конституционный Суд РФ сформулировал принцип уважения и охраны достоинства личности, опираясь на тол-

Comparative Law Review. 2012. Vol. 35. Iss. 2. P. 331.

⁴⁰ Glensy R. D. Op. cit. P. 65, 72.

⁴¹ См.: In Defense of Human Dignity: Essays for Our Times / eds. by R. P. Kraynak and G. Tinder (ed.). Notre Dame, Indiana, 2003.

кование ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, во многих своих актах и распространил действие данного принципа не только на граждан РФ, но и на иных лиц на территории РФ. В частности, в п. 2 мотивировочной части постановления от 29 мая 2018 г. № 21-П Конституционный Суд РФ указал, что принцип уважения достоинства личности, государственная (включая судебную) защита от дискриминации обеспечиваются лицам, не состоящим в гражданстве РФ.

2. *Концепция достоинства как главного личного права* предполагает акцентирование внимания на связь человеческого достоинства с правами и свободами как субъективными притязаниями. Данная концепция рассматривает достоинство личности как субъективное право, которое имеет свои правомочия и требования к его охране и обеспечению со стороны государства. В российском конституционном праве и конституционном судебном процессе право на охрану достоинства личности сформулировано в Конституции РФ и подтверждается практикой Конституционного Суда РФ начиная с 1995 г.⁴² Однако в юридическом плане остался дискуссионным вопрос: существует ли в российской юриспруденции общее право на человеческое достоинство? Представляется, что положительный ответ на данный вопрос требует включения права на человеческое достоинство в каталог основных прав и свобод личности и в систему прав и свобод человека и гражданина, образующих правовое положение личности в России. Право на достоинство личности приобретает в этом случае не только конституционный, но и надотраслевой статус, отражая свою метаюридическую природу.

3. *Концепция достоинства как важного элемента конституционно-правового статуса личности.*

Достоинство может иметь различный конституционный и правовой статус закрепления в современных конституциях и законодательстве. Нет универсального подхода, который был бы одинаково приемлем для различных государств и народов. Тем не менее достоинство личности как неотъемлемый атрибут человеческой природы и внутренней ценности человека приобретает характер широко признаваемого, хотя и не всеобщего до сих пор элемента основ правового статуса личности.

В российской конституционной юриспруденции пока не преобладает какая-либо концепция достоинства личности, скорее наблюдается поиск баланса между ними и их применимости в ходе осуществления конституционного правосудия и законотворческой деятельности.

Таким образом, достоинство человеческой личности в современной конституционной юриспруденции рассматривается как универсальная ценность, признаваемая в международных правовых актах и Конституции РФ (в интерпретации Конституционного Суда РФ). Универсальность достоинства не исключает, а предполагает уникальное для каждой страны конституционное и интерпретационное измерение, так как правовые формы признания и охраны достоинства должны выражать фундаментальные религиозные, моральные и этические концепции, принятые в обществе. Конституционный статус достоинства личности призван выполнять роль балансирующего основания при определении границ ограничений или гарантирования различных прав и свобод личности в практике конституционного правосудия. Судебная конституционализация достоинства личности дополнила нормативный и доктринальный подходы к регулированию, обеспечила возвышение человеческого достоинства в ранг конституционной и высшей ценности российской юриспруденции. Важными для дальней-

⁴² См. постановление КС РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ст. 220¹ и 220² УПК РСФСР.

шего развития и применения достоинства личности как конституционно-правовой категории являются правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых подтверждается: 1) достоинство личности выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения⁴³;

⁴³ См., например, постановления КС РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 15 января 1999 г. № 1-П, от 20 декабря 2010 г. № 21-П, от 9 июля 2013 г. № 18-П, а также определения КС РФ от 15 февраля 2005 г. № 17-О, от 5 марта 2009 г. № 376-О-П, от 22 января 2014 г. № 13-О, от 23 июня 2015 г. № 1431-О, от 20 декабря 2016 г. № 2598-О.

2) у Российского государства существует обязанность охранять достоинство личности и ее права во всех сферах, где они реализуются⁴⁴.

Определенная конкуренция концепций достоинства личности способствует выработке более точных юридических понятий и границ оценки нормативных правовых актов, в которых затрагиваются не только права и свободы человека и гражданина, но и человеческое достоинство.

⁴⁴ См. постановления КС РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 25 апреля 2001 г. № 6-П, а также определения КС РФ от 1 марта 2010 г. № 323-О-О, от 28 июня 2018 г. № 1662-О.

Библиографический список

Barak A. Foreword // Erin D. Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person. Philadelphia, 2012.

Barroso L. R. Here, There, and Everywhere: Human Dignity in Contemporary Law and in the Transnational Discourse // Boston College International and Comparative Law Review. 2012. Vol. 35. Iss. 2.

Benhabib S. Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times. Cambridge, 2011.

Bentham J. Deontology; or, The Science of Morality: In Which the Harmony and Co-Incidence of Duty and Self-Interest, Virtue and Felicity, Prudence and Benevolence, Are Explained and Exemplified. London; Edinburgh, 1834. Vol. 2.

Cicero M. Tullius. De Inventione / ed. by E. Stroebe. URL: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166>.

Dupré C. The Age of Dignity: Human Rights and Constitutionalism in Europe. Bloomsbury Publishing, 2016.

Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxford, 1970.

Glensy R. D. The Right to Dignity // Columbia Human Rights Law Review. 2011. Vol. 43. No. 1.

Greenhalgh T., Robert G., Macfarlane F. et al. Storylines of Research in Diffusion of Innovation: a Meta-Narrative Approach to Systematic Review // Social Science & Medicine. 2005. Vol. 61.

Habermas J. The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights // Metaphilosophy. 2010. Vol. 41. No. 4.

Hennette-Vauchez S. A Human Dignitas? Remnants of the Ancient Legal Concept in Contemporary Dignity Jurisprudence // International Journal of Constitutional Law. 2011. Vol. 9. Iss. 1. DOI: 10.1093/icon/mor031.

In Defense of Human Dignity: Essays for Our Times / eds. by R. P. Kraynak and G. Tinder (ed.). Notre Dame, Indiana, 2003.

Jackson V. C. Constitutional Dialogue and Human Dignity: States and Transnational Constitutional Discourse // Montana Law Review. 2004. Vol. 65. Iss. 1.

Jamal F., Bertotti M., Lorenc Th., Harden A. Reviewing Conceptualisations of Community: Reflections on a Meta-Narrative Approach // Qualitative Research. 2015. Vol. 15. Iss. 3.

Kateb G. Human Dignity. Cambridge, 2011.

McCrudden Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. Iss. 4.

Muders S. Natural Good Theories and the Value of Human Dignity // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2016. Vol. 25. Iss. 2.

O'Mahony C. There Is no Such Thing as a Right to Dignity // *International Journal of Constitutional Law*. 2012. Vol. 10. Iss. 2. DOI: 10.1093/icon/mos010.

Schachter O. Human Dignity as a Normative Concept // *American Journal of International Law*. 1983. Vol. 77. Iss. 4.

Schroeder D., Bani-Sadr A. H. Dignity in the 21st Century: Middle East and West. Springer, 2017.

Shershow S. C. Deconstructing Dignity: A Critique of the Right-to-Die Debate. Chicago University Press, 2014.

Societies of International Law // *The American Journal of International Law*. 1907. Vol. 1. No. 1.

Weiler A. M., Hergesheimer C., Brisbois B. Food Sovereignty, Food Security and Health Equity: a Meta-Narrative Mapping Exercise // *Health Policy and Planning*. 2015. Vol. 30. Iss. 8.

Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 4.

Вельяминов Г. М. Право национальное и международное. М., 2017.

Джагарян А. А. Достоинство личности, равенство и справедливость как сущностные характеристики социальной государственности // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2011. № 8.

Измestьева Е. М. Субъекты правоприменительной деятельности в условиях децентрализации правового регулирования в России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

Невинский В. В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 11.

Позднякова О. Л. Кантова идея достоинств человека в системе ценностей общественного развития // *Логика достоинства и свободы личности: посвящ. 85-летию Ин-та филос. НАН Беларуси* / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. Минск, 2016.

Романова А. А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России. М., 2018.

Совет по правам человека. Консультативный комитет. Восьмая сессия 20—24 февраля 2012 г. URL: www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/advisorycommittee/docs/session8/A-HRC-AC-8-4_ru.doc.

Толстых В. Л. Курс международного права: учебник. М., 2018.

Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование: монография. М., 2018.

Чиркин В. Е. Новеллы конституционного правопорядка: опыт «цветных революций» и «арабской весны» // *Право и современные государства*. 2017. № 2.

Шафилов В. М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

Шафилов В. М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию: монография. Красноярск, 2004.

Шафилов В. М. Право в человеческом измерении // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2004. № 3.

References

Barak A. Foreword. *Erin D. Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia, 2012.

Barroso L. R. Here, There, and Everywhere: Human Dignity in Contemporary Law and in the Transnational Discourse. *Boston College International and Comparative Law Review*, 2012, vol. 35, iss. 2.

Benhabib S. Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times. Cambridge, 2011.

Bentham J. Deontology; or, The Science of Morality: In Which the Harmony and Co-Incidence of Duty and Self-Interest, Virtue and Felicity, Prudence and Benevolence, Are Explained and Exemplified. London; Edinburgh, 1834. Vol. 2.

Bondar N. S. Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti v tsennostnom izmerenii: teoriya i sudebnaya praktika. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 4.

- Chirkin V. Ye. Novelly konstitutsionnogo pravoporyadka: opyt "tsvetnykh revolyutsiy" i "arabskoy vesny". *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2017, no. 2.
- Cicero M. Tullius. De Inventione. Ed. by E. Stroebe. Available at: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166>.
- Dupré C. The Age of Dignity: Human Rights and Constitutionalism in Europe. Bloomsbury Publishing, 2016.
- Dzhagaryan A. A. Dostoinstvo lichnosti, ravenstvo i spravedlivost kak sushchnostnye kharakteristiki sotsialnoy gosudarstvennosti. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2011, no. 8.
- Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxford, 1970.
- Glensy R. D. The Right to Dignity. *Columbia Human Rights Law Review*, 2011, vol. 43, no. 1.
- Greenhalgh T., Robert G., Macfarlane F. et al. Storylines of Research in Diffusion of Innovation: A Meta-Narrative Approach to Systematic Review. *Social Science & Medicine*, 2005, vol. 61.
- Habermas J. The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights. *Metaphilosophy*, 2010, vol. 41, no. 4.
- Hennette-Vauchez S. A Human Dignitas? Remnants of the Ancient Legal Concept in Contemporary Dignity Jurisprudence. *International Journal of Constitutional Law*, 2011, vol. 9, iss. 1. DOI: 10.1093/icon/mor031.
- In Defense of Human Dignity: Essays for Our Times. Eds. R. P. Kraynak, G. Tinder. Notre Dame, Indiana, 2003.
- Izmesteva Ye. M. Subekty pravoprimeritelnoy deyatel'nosti v usloviyakh detsentralizatsii pravovogo regulirovaniya v Rossii. Cand. diss. Saratov, 2015.
- Jackson V. C. Constitutional Dialogue and Human Dignity: States and Transnational Constitutional Discourse. *Montana Law Review*, 2004, vol. 65, iss. 1.
- Jamal F., Bertotti M., Lorenc Th., Harden A. Reviewing Conceptualisations of Community: Reflections on a Meta-Narrative Approach. *Qualitative Research*, 2015, vol. 15, iss. 3.
- Kateb G. Human Dignity. Cambridge, 2011.
- Khabrieva T. Ya., Chirkin V. Ye. "Tsvetnye revolyutsii" i "arabskaya vesna" v konstitutsionnom izmerenii: politologo-yuridicheskoe issledovanie. Moscow, 2018.
- McCrudden Ch. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights. *European Journal of International Law*, 2008, vol. 19, iss. 4.
- Muders S. Natural Good Theories and the Value of Human Dignity. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, 2016, vol. 25, iss. 2.
- Nevinskiy V. V. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii i dostoinstvo cheloveka (vospominanie o budushchem). *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2013, no. 11.
- O'Mahony C. There Is no Such Thing as a Right to Dignity. *International Journal of Constitutional Law*, 2012, vol. 10, iss. 2. DOI: 10.1093/icon/mos010.
- Pozdnyakova O. L. Kantova ideya dostoinstv cheloveka v sisteme tsennostey obshchestvennogo razvitiya. *Logika dostoinstva i svobody lichnosti*. Ed. L. F. Yevmenov. Minsk, 2016.
- Romanova A. A. Sovremennoe apellyatsionnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse Rossii. Moscow, 2018.
- Schachter O. Human Dignity as a Normative Concept. *American Journal of International Law*, 1983, vol. 77, iss. 4.
- Schroeder D., Bani-Sadr A. H. Dignity in the 21st Century: Middle East and West. Springer, 2017.
- Shafirov V. M. Pravo v chelovecheskom izmerenii. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2004, no. 3.
- Shafirov V. M. Yestestvenno-pozitivnoe pravo (problemy teorii i praktiki). Dr. diss. thesis. Nizhniy Novgorod, 2005.
- Shafirov V. M. Yestestvenno-pozitivnoe pravo. Vvedenie v teoriyu. Krasnoyarsk, 2004.
- Shershow S. C. Deconstructing Dignity: A Critique of the Right-to-Die Debate. Chicago University Press, 2014.
- Societies of International Law. *The American Journal of International Law*, 1907, vol. 1, no. 1.

Sovet po pravam cheloveka. Konsultativnyy komitet. Vosmaya sessiya 20—24 fevralya 2012 g. Available at: www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/advisorycommittee/docs/session8/A-HRC-AC-8-4_ru.doc.

Tolstykh V. L. Kurs mezhdunarodnogo prava. Moscow, 2018.

Velyaminov G. M. Pravo natsionalnoe i mezhdunarodnoe. Moscow, 2017.

Weiler A. M., Hergesheimer C., Brisbois B. Food Sovereignty, Food Security and Health Equity: a Meta-Narrative Mapping Exercise. *Health Policy and Planning*, 2015, vol. 30, iss. 8.